

Многое тут сделано с великой любовью к родоначальнику нашей русской литературы – и с любовью по чувству, и крепко, даже, я сказал бы, изящно по форме, но всё же этот цикл отчасти оставляет впечатление книжности, вторичности, потому что в некоторых строчках слышна – и автор не скрывает этого – переключка со строчками гениального поэта, а реминисценции всегда вызывают у нас чувство неудовлетворённости – нам дороже всего собственный голос автора.

Случайностью можно считать, что в книге оказалось стихотворение «Воспоминание», которое после некоторых деталей и подробностей из жизни одного села заканчивается такими строчками: «Там Катенька Смирнова любила одного, а вышла за другого. Но это ничего...». Сколько не присущих творчеству Киселёва холода и равнодушия к чужой человеческой драме в последней строчке: «Но это ничего...»!

Закончить разговор о новой книге Игоря Киселёва мне хочется тем, с чего начал, – его стихотворением «Есть у меня товарищи поэты».

<i>...А я гонюсь! Я день и ночь в погоне – Так далеко они все впереди! От сигарет крепчайших, от бессонниц Выскакивает сердце из груди.</i>	<i>И вот – догнал! Светло и удивлённо, Уже почти не властвуя собой, За поручни последнего вагона Схватился потрясённой рукой!</i>
---	---

И хотя дальше опять начинаются разочарования, сомнения, почти отчаяние: «Они опять далёко-далеко!», мы, читатели, с радостью видим: не напрасна эта погоня за великими образцами – в лучших своих стихах Игорь Киселёв предстаёт перед нами не учеником, не подмастерьем, а хорошим мастером своего дела.

Михаил НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 14 октября. – С. 4.

ИСТИННЫЙ ЛИРИК

Штрихи к портрету

В феврале прошлого года мне позвонили из Белова и сообщили печальную весть: умер Николай Пискаев...

Впервые со стихами Николая Пискаева мне довелось познакомиться шестнадцать лет назад. 4 декабря 1963 года в газете «Комсомолец Кузбасса» под рубрикой «Открытая консультация» я подробно разобрал несколько стихотворений начинающего поэта. Уже тогда в его литературной работе привлекала внимание такая отличительная черта истинной поэзии, как простота и задушевность. По качеству эти первые опыты не были, конечно, равноценными: одни строчки можно было прямо с ходу помещать в газету, а другие, стоящие по соседству, нуждались в доработке. Положительным примером являлось небольшое стихотворение о вечной молодости души:

<i>Мне в голову покамест не приходит, Что там, за поворотом, за леском,</i>	<i>Моя же старость медленно выходит С посеребрённым добела виском. И смотрит, смотрит на тропу-дорогу,</i>
---	--

*Пронзая взглядом темень
и туман,
Всё ждёт – дойду я и поставлю
ногу
В неотразимый старческий капкан.
А я живу, кипя в своей заботе,
Переживая радости, беду.
И верю, что на этом повороте*

*Я непременно старость обойду.
Капкан замечу – пробегу стороной,
Пусть от злости бросит старость
в пот,
Что я за лесом скрылся с песней
звонкой,
Уйдя за новый, дальний поворот.*

По той подборке было отчётливо видно: молодому поэту есть что сказать о жизни, о людях; переживания его как лирика разнообразны и глубоки. Запомнилось, например, грустное стихотворение о мимолётности всего сущего, о неповторимости сегодняшних красок, запахов, настроений.

*Настанет ночь. И снова мне приснится:
Сгорело что-то, вьётся сизый дым.*

О том, что чувства, выраженные в этом стихотворении, подлинны, а не выдуманы, свидетельствует такая деталь: подобный же мотив мы находим в более позднем стихотворении «Закат»:

*А там, где небо синим краем
На грудь земли легло, звеня,
Горят, багрово полыхая,
В огне закатном ячменя.
Горит дорога... Всё дымит...
И обожжённый тем огнём,*

*Как с человеком, распротиться
Хочу всегда с прошедшим днём.
Как друга давнего, как брата,
Хорошей песней вспомнить...
День отошёл, огнём заката
Поцеловав земную грудь.*

Кого-то из читателей, возможно, привлечёт здесь оригинальный образ вечерней зари, а, на мой взгляд, главное в этом стихотворении – любовное, какое-то, я бы сказал, трогательное отношение автора к окружающему миру. Кстати, о большинстве стихов Николая Пискаева не скажешь, что они отличаются яркой образностью, нет, характерной особенностью их является иное, по-моему, более ценное, чем образ во что бы то ни стало, – это искренность чувства и достоверность рождённой в долгих раздумьях мысли. Николай Пискаев, как всякий истинный лирик, больше всего заботился о том, чтобы верно и точно передать то или иное душевное состояние, и уж если он начинал стихотворение – можно было не сомневаться, что взялся за перо не из каких-то отвлечённых соображений, а по внутренней необходимости, как говорится, по велению сердца. В доказательство сошлюсь на такое стихотворение, вошедшее в первую книжку поэта «Мой край задумчивый и нежный» (1970 г.):

*Последний клён срубил какой-то
дьявол
И на дрова, должно быть, уволок.
А я-то думал: здесь шумит дубрава,
Преображая этот уголок.
Грибы на зорьке, думал,
вырастают,
На всю дубраву соловьи поют.*

*А мне о ней лишь пни напоминают,
В которых бойко муравьи снуют.
Потрескивают сучья под ногами,
Репейник густо заселил овраг,
На солнцепёке – лебеда кругами...
Эх, люди, люди.
Разве можно так?..*

Какую естественную разговорную интонацию нашёл поэт для освещения не новой, казалось бы, темы! Особенно хороша в этом смысле последняя строка, которая воспринимается, как грустный вздох, невольно вырвавшийся из груди любящего природу человека. Никакой позы, нарочитости, придуманности, и даже изобразительные средства самые обыкновенные, не претендующие на броскость, эффектность, а стихотворение берёт за душу.

Николай Пискаев родился и провёл детство в селе Поморцево Кемеровской области, и хотя по ряду обстоятельств жить ему пришлось в городе, он всё время тосковал по деревне, по своим односельчанам, и эта – отнюдь не показная – тоска часто выливалась у него в отличные стихи, навеянные воспоминаниями о деревенском житье-бытье. Недаром и название второй своей книге, которая увидит свет в этом году, он дал самое дорогое для себя – «Деревенское утро».

Вот оно, его заветное:

Забота вечная о хлебе

Мне словно пахарю дана.

Вот появилась туча в небе:

А в срок ли, думаю, она?

Не повредит ли сенокосу?

Природу мысленно корю.

За папирасой папирасу,

За тучей той следя, курю.

И в пору жатвы замечаю,

Что вновь боюсь дождливых дней,

А в сушь весной переживаю

Из-за того, что нет дождей.

Рабочим званьем козыряю

И хлебным полем дорожу.

К какому классу – сам не знаю,

Сегодня я принадлежу.

Это стихотворение в числе других опубликовано в коллективном сборнике «Дыхание земли родимой», который недавно выпустило Кемеровское книжное издательство. В этой своего рода кузбасской антологии – стихи тридцати пяти поэтов, среди которых Николай Пискаев – один из самых одарённых. И тут невольно вспоминается чуть ли не главная черта его человеческого характера: скромность. Она притягательна в любом из тех, с кем нам приходится встречаться в жизни, но в Николае Пискаеве скромность была чрезмерной, и по этой причине оказывала ему плохую услугу: мешала поверить в свою природную одарённость, постоянно терзала сомнениями в своих силах и возможностях. В его письмах ко мне то и дело попадаются такие фразы, как «пишу мало, что-то не работается, нет настроения», «занимаюсь доработкой старых стихов», «в издание своей книги не очень верю» и т. д. А будь у него побольше уверенности в себе – больше было бы и сделано...

Скромность в нём была кровной сестрой редкостной честности. Вспоминается такой случай. В январе или феврале 1968 года газета «Кузбасс» напечатала большую подборку стихов молодых кузбасских авторов, и в числе их стихотворение «Руки» земляка Николая Пискаева, беловчанина А. Бармина. А дня через три в редакцию газеты пришло письмо от её читателей, супругов Соколовых, которые недоумевали, почему под стихотворением «Руки» стоит подпись «А. Бармин» – ведь его автор ленинградская поэтесса Надежда Полякова.

И вот что написал мне Николай Пискаев, когда узнал об этой истории: «Только что приехал из редакции городской газеты и сразу сел писать вам письмо. Вы, конечно, знаете давно уже, что натворил А. Бармин, член нашего литературного кружка. У меня пока не укладывается в голове этот факт. Невероятно. Позор. В редакции его, что

называется, «потрясли», и он признался, что этот случай со стихотворением «Руки» не единственный. Указал ещё на несколько стихотворений, опубликованных им в городской газете. Но только «Руки» с рук не сошли.

Позор, конечно, не только А. Бармину, но и всем нам, членам всей литгруппы, вовремя, хотя бы раньше, чем он попал в «Кузбасс», не сумевшим уличить его в краже, в плагиате.

Тяжело, как несчастье, переживаю этот случай, потрясён до глубины души. Ведь я по своей душевной простоте и, вероятно, узости своего кругозора рекомендовал его вам. Чёрт возьми, вроде бы и стихов читаю немало, в своей библиотеке имею около семисот сборников – и вот как-то просмотрел... И это перед самым совещанием молодых писателей Кузбасса, откуда теперь, наверное, всех нас (имею в виду беловчан) с треском выгонят».

Только честнейший человек может так сильно переживать бесчестный поступок кого-то другого, как собственное несчастье. А следующее письмо приоткрыло и другую сторону характера моего молодого друга – сердечную доброту, которой даже незнакомо чувство мстительности или злорадства, а, наоборот, близко что-то вроде сострадания, скрытой жалости и сочувствия:

«Очень рад, что вы не успели ничего сказать (в газете) о Саше Бармине. Чёрт его знает, что происходит. Ведь он всё-таки не дурак... Его я давно не видел, ездил к нему – дома не застал. Мих. Ал., готов во всеуслышание сказать о его позорнейшем поступке и в то же время с болью в душе смотрю, с каким удовольствием его «едят». И вот уже целый месяц такая сумятица, неустроенность в душе. Может быть, просто ошибся человек... молодой всё-таки, а?

Ничего не могу понять, хотя в моём возрасте, вероятно, надо бы кое-что понимать в любой сложной ситуации. Что поделаться...».

Я не случайно привёл такие большие выдержки из писем Николая Пискаева – о себе человек рассказывает лучше, чем другие о нём. А из этих писем читатель ясно представит личность поэта, и не только поэта, а и человека.

Есть народная пословица: о покойном плохо не говорят. Но мы говорим о Николае Пискаеве хорошо не потому, что его уже нет с нами, а потому, что это был действительно прекрасный человек и поэт.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1980.

– 3 января. – С. 4.

КАК В ЧИСТОЙ ГОРНИЦЕ...

«Красно яблоко» – первая книга стихов Алексея Томилова, человека рабочей биографии: он осваивал целину, работал на шахте, на кирпичном заводе, монтажником и кислотоупорщиком на строительстве предприятий большой химии; последние четырнадцать лет работал монтажником и прорабом на строительстве гиганта металлургии – Запсибе. Весьма возможно, что когда-нибудь все эти трудовые вехи найдут своё отражение в творчестве Алексея Томилова, а первая книга его целиком посвящена русской деревне, где он родился и вырос. Вот что пишет в предисловии редактор книги поэт Виктор Баянов: «Думаю, эти стихи рождены раздумьями о